

Варицкий Юрий Анатольевич,
кандидат педагогических наук,
магистр психологии, доцент,
Гжельский государственный университет
Varizkiy Yuriy Anatolyevich,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Master of Psychology, Associate Professor,
Gzhel State University

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ
ИЛЛЮЗИЯ: ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ КРИТИКА
И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА
EMOTIONAL INTELLIGENCE AS AN EPISTEMOLOGICAL ILLUSION:
PSYCHOMETRIC CRITIQUE AND CULTURAL-HISTORICAL ALTERNATIVE**

Аннотация. Анализируется конструкт эмоционального интеллекта (ЭИ). Показано, что модели способностей и смешанные модели страдают от отсутствия объективного ключа и низкой инкрементной валидности $\Delta R^2=0,01-0,03$ при контроле g и Big Five. Обоснована альтернатива в рамках культурно-исторического подхода: смысловая регуляция и психологическая культура.

Abstract. The construct of emotional intelligence (EI) is analyzed. Ability and mixed models suffer from lack of veridical scoring and low incremental validity $\Delta R^2=0.01-0.03$ over g and Big Five. An alternative is proposed within Vygotsky–Leontiev cultural-historical framework: meaning regulation and psychological culture as more valid categories.

Ключевые слова: Эмоциональный интеллект, психометрика, культурно-историческая психология, инкрементная валидность, эмоциональный труд, смысловая регуляция.

Keywords: Emotional intelligence, psychometrics, cultural-historical psychology, incremental validity, emotional labor, meaning regulation.

Введение. Конструкт ЭИ, введенный в работах Дж. Мэйера и П. Сэловея [8], за три десятилетия превратился из исследовательской гипотезы в индустрию психодиагностики и корпоративного обучения. При этом в дифференциальной психологии формируется критический консенсус относительно его теоретической и психометрической состоятельности.

Актуальность для российской психологии определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, произошел механический импорт измерительного аппарата ЭИ (опросник ЭИн, адаптации MSCEIT, методики Н. Холла) [5; 6] без рефлексии его ограничений. Во-вторых, импорт осуществлен без соотнесения с традицией культурно-исторической психологии, где проблема единства аффекта и интеллекта разрабатывалась на иных эпистемологических основаниях [1; 2].

Цель статьи – провести теоретико-методологический анализ конструкта ЭИ, оценить его психометрический статус и обосновать продуктивность альтернативных категорий отечественной школы.

Задачи: 1) проанализировать модели ЭИ и проблемы операционализации; 2) оценить инкрементную валидность; 3) сопоставить с культурно-историческим подходом; 4) проанализировать социально-культурные риски прикладного использования.

Метод: теоретико-методологический и сравнительно-концептуальный анализ, обзор метааналитических исследований.

1. Модели ЭИ и их психометрические ограничения

В литературе сосуществуют три несовместимые трактовки [8]:

- 1) модель способностей Дж. Мэйера – П. Сэловея – Д. Карузо трактует ЭИ как набор когнитивных способностей к переработке эмоциональной информации;
- 2) смешанные модели Д. Гоулмана, Р. Бар-Она включают в конструкт конгломерат личностных черт, мотивации и социальных навыков;
- 3) трейтовая модель К. Петридеса и Э. Фернхема рассматривает ЭИ как устойчивую диспозицию самооценки эмоциональных проявлений.

Смешанные модели критикуются за тавтологичность и потерю предметности. Модель способностей претендует на статус интеллекта, но сталкивается с проблемой критерия правильности [5].

В тестах общего интеллекта ключ определяется формальной логикой. В задачах MSCEIT определение эмоции по лицу или выбор оптимальной стратегии регуляции не имеет объективного ключа. Используются два суррогатных метода [6; 8]:

а) консенсусный критерий: правильным считается ответ большинства стандартизированной выборки. При таком подходе оригинальность восприятия трактуется как ошибка, что редуцирует интеллект к конформности;

б) экспертный критерий: правильным считается мнение группы экспертов. Исследования показывают корреляцию экспертного и консенсусного ключей на уровне $r=0,70-0,84$, что фактически сводит первый ко второму. Согласованность самих экспертов остается умеренной.

Вторая проблема – инкрементная валидность. Метаанализ Д. Джозефа и Д. Ньюмана (общий $N>19000$) показал: корреляция ЭИ с профессиональной успешностью составляет $r=0,18$, но при контроле факторов Большой пятерки и общего фактора g прирост объясненной дисперсии снижается до $\Delta R^2=0,01-0,03$ [9]. Аналогичные результаты получены в метаанализе O'Boyle et al. (2011): после контроля личностных черт и когнитивных способностей предсказательная сила ЭИ становится статистически незначимой.

Трейтовая модель ЭИ частично снимает проблему подсчета баллов, опираясь на самоотчет, но при этом демонстрирует высокие отрицательные корреляции с нейротизмом (до $r=-0,60$) и полностью теряет отличие от личностных диспозиций. Это указывает на переименование комбинации уже известных предикторов (эффект реификации) и введение нового термина, претендующего на открытие.

2. Культурно-историческая перспектива единства аффекта и интеллекта

В работе «Мышление и речь» Л.С. Выготский сформулировал принцип динамического единства: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» [1, с. 14]. А.Н. Леонтьев показал, что эмоция является внутренним сигналом личностного смысла, отношением мотива к цели, а не информацией, подлежащей утилизации [2]. В.Н. Мясищев рассматривал эмоции как индикатор нарушения или реализации системы отношений личности [7].

Различие подходов представлено в табл. 1.

Таблица 1

Сопоставление подходов к связи эмоции и интеллекта

Параметр сравнения	Культурно-исторический подход [1;2]	Концепт ЭИ [8]
Онтология эмоции	Внутренний сигнал личностного смысла, отношение мотива к цели [2]	Информация / психофизиологическая реакция для утилизации
Связь с когнициями	Системное единство, опосредствование знаком	Дуализм двух систем

Критерий зрелости	Осознание мотивов, способность к переживанию [3]	Адаптивность, социально одобряемое поведение
Генезис	Интериоризация культурных форм деятельности	Тренировка изолированных навыков (skills)

В отечественной традиции эмоция трансформируется через перестройку предметной деятельности и иерархии мотивов, а не через прямой когнитивный контроль. В концепции Ф.Е. Василюка преодоление критических ситуаций рассматривается как внутренняя деятельность переживания, направленная на производство нового смысла, а не на возврат к гомеостазу [3].

Концепт ЭИ сохраняет скрытый картезианский дуализм, предполагая наличие холодного оператора, мониторящего и направляющего аффективную материю. Это шаг назад по сравнению с идеей высших психических функций, опосредствованных знаком.

3. Социально-культурные и прикладные риски использования концепта ЭИ

Экспансия ЭИ совпала с утверждением сервисной экономики. В терминах А. Хохшильд от работника требуется эмоциональный труд – коммерциализация способности вызывать у клиента определенное эмоциональное состояние [10]. В этом контексте ярлык «низкий ЭИ» может использоваться для индивидуализации системных проблем организации, когда несогласие с условиями труда трактуется как дефицит саморегуляции.

Эмпирические данные о связи ЭИ с манипулятивностью требуют нюансировки. Устойчивая положительная корреляция с макиавеллизмом обнаруживается не для общего балла ЭИ, а для субшкал управления чужими эмоциями ($r=0,20-0,26$). Это означает, что способность к распознаванию эмоций вне этического каркаса может быть инструментализована.

Второй риск – культурная неспецифичность. Российская коммуникативная культура в большей степени ориентирована на ценность искренности и прямоты, тогда как англосаксонский тренинг ЭИ ориентирован на негативную вежливость (negative politeness) и конструирование безопасного фасада. Модель, постулирующая оптимизм как критерий зрелости, вступает в противоречие с традицией, где переживание вины, сомнения и экзистенциальной тревоги рассматривается как условие нравственного развития [3; 7].

4. Альтернативные конструкты: психологическая культура, смысловая регуляция, социальная перцепция

Вместо редукционистского ЭИ продуктивнее опираться на аппарат, развитый в отечественной школе [4]:

1. Психологическая культура личности (Л.С. Колмогорова, В.В. Семикин) включает мировоззренческие ориентиры, этические нормы, развитую рефлексию и ценностное отношение к внутреннему миру. В отличие от утилитарного ЭИ, она неотделима от морально-этического каркаса.

2. Смысловая регуляция и переживание как деятельность (Ф.Е. Василюк) [3]. Зрелость измеряется способностью выдерживать напряжение противоречий и трансформировать бытие, а не механически возвращаться в состояние благополучия.

3. Социально-перцептивные способности и эмпатия (Г.М. Андреева) [4] – восприятие, понимание и оценка социальных объектов, аффективный и когнитивный процесс сопереживания, имеющий нейробиологическую основу и не требующий искусственных конструктов.

Данные категории операционально отделимы от g и Большой пятерки, обладают более четкой предметностью и не требуют консенсусного подсчета баллов.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что ЭИ в современном виде не соответствует базовым требованиям к научному конструкту: отсутствие четкого предметного поля, неразрешимая проблема критерия правильности и низкая инкрементная валидность (ΔR^2 в пределах $0,01-0,03$).

Его некритическое применение в России приводит к вытеснению продуктивных категорий культурно-исторической психологии и к рискам идеологизации – от легитимации эмоционального труда до индивидуализации организационных конфликтов.

Перспективой является переход от изучения гипотетического ЭИ к исследованию механизмов смысловой регуляции, психологии переживания и социальной перцепции с использованием методов, валидных в рамках деятельностного подхода.

Ограничения настоящего исследования: работа носит теоретико-методологический характер и опирается на вторичный анализ метааналитических данных. Необходимы эмпирические исследования, сопоставляющие прогностическую силу категорий психологической культуры и шкал ЭИ на российских выборках с контролем социально желательных ответов.

Список литературы:

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
2. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
3. Василюк, Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 200 с.
4. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 360 с.
5. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсин // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29–36.
6. Сергиенко, Е. А. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v.2.0): руководство / Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова. – М.: Институт психологии РАН, 2010. – 176 с.
7. Мясищев, В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / В. Н. Мясищев; под ред. А. А. Бодалева. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2004. – 400 с.
8. Mayer, J. D. Emotional intelligence: theory, findings, and implications / J. D. Mayer, P. Salovey, Caruso D. R. // Psychological Inquiry. – 2004. – Vol. 15, № 3. – P. 197–215.
9. Joseph, D. L. Emotional intelligence: an integrative meta-analysis and cascading model / D. L. Joseph, D. A. Newman // Journal of Applied Psychology. – 2010. – Vol. 95, № 1. – P. 54–78.
10. Hochschild, A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling / A. R. Hochschild. – Berkeley: University of California Press, 1983. – 307 p.

